

ТУРА

Павел Руднев

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, как вышло так, что вы ставите свою пьесу в театре «Современник»?

— Галина Волчек давно мне предлагала поставить что-нибудь в ее театре. Я предложил свою новую пьесу «Уйди-уйди», и Волчек как-то сразу согласилась. Приехал в Москву 14 января и в тот же день прочел пьесу на труппе. Валентин Гафт, который репетирует главную роль, сказал, что пьеса гениальная — пока он так считает, нам репетировать в радость. Именно Гафт здесь — тот мотор, вокруг которого все вертится: и репетиции, и действие пьесы. Главную женскую роль будут играть в очередь Елена Яковлева и Галина Петрова. В начале апреля должна состояться премьера.

— Как вам московские звезды?

— Гафт останавливает репетицию, тихо, спокойно говорит: «Положите, я должен разобраться, в чем здесь дело». Сидит, перечитывает кусок — раз перечитывает, два, три, четыре, а мы все сидим, ждем и думаем: «Ну что же ты всех держишь — давай, иди на сцену, вперед!» Актер сам пытается постичь мой текст, понять, чего это я хочу от него, — и пока не поймет, дело не сдвинется. Мне это ужасно приятно.

Я очень волновался, как все произойдет в Москве, поэтому и попросил директора Екатеринбургского театра драмы, в котором служу, разрешения поставить сначала «Уйди-уйди» там, на малой сцене, где всего 85 зрительских мест. Подготовился, так сказать, к Москве...

— Насколько разными будут спектакли?

«Московские каникулы» екатеринбургского драматурга Николая Коляды продолжают: вслед за рядом постановок его пьес в театрах Москвы последовал крупный антрепризный проект «Старосветская любовь», где Коляда вызвался быть соавтором Николая Гоголя. Через полтора месяца состоится еще одно событие — премьера пьесы «Уйди-уйди» в театре «Современник» в постановке автора.

стран. В 1992 году я жил на точно такой же стипендии, теперь и Олега туда пристроил.

— Вам знакома культурная ситуация в Екатеринбурге, Москве и Европе. Как меняется она в Екатеринбурге, на ваш просвещенный взгляд?

— Другими словами, мне нужно рассказать о том, почему я не уезжаю из Екатеринбурга. Мне нравится этот город, у нас жизнь кипит. Если судить по тому, что происходит в театрах Екатеринбург, то мы — европейская столица. Множество фестивалей (чего стоит один «Реальный театр» Олега Лоевского), Центр современной драматургии при Театре драмы, где каждый месяц проходит театральный марафон: двенадцать пьес читаются с 12 утра до 2 ночи.

— Трое екатеринбуржцев стали лауреатами премии Антибукер — Олег Богаев в позапрошлом году, Александр Иванченко и Борис Рыжий — в этом.

— Это такая радость для нас, особенно для журнала «Урал», который я возглавляю. 1 декабря 1999 года вышел двенадцатый номер, где впервые опубликована повесть Иванченко «Поверх цензуры. Купание красного коня», а 21 декабря объявили, что он стал лауреатом. На следующий день я позвонил ему и поздравил с нашей победой. Он сразу сказал, что не поедет на вручение и все деньги отдаст в центр реабилитации травмированных российских солдат, воевавших в Чечне. Так он и сделал.

работает литсотрудником, занимается поэзией и приносит кучу идей. Он придумал замечательную рубрику «Граф Хвостов», где мы печатаем «талантливых» графоманов, которых он выбирает из огромной кучи. В своих предисловиях к ним он подписывается «порукич Рыжий Б.Б.». И еще одну рубрику придумал — «Антология шедеров поэзии Урала»; в №1 за 2000 г. там опубликована «Могила» Василия Каменского. Молодец!

— В начале года вы еще изловились выпустить и №13 за 1999 год. На что же живет журнал, исправно выходя в срок каждый месяц?

— Это единственный журнал в регионе, который стал «государственным областным учреждением», что отображено на нашем титуле. Мы получаем дотацию от правительства Свердловской области, от губернатора Эдуарда Росселя. Россель когда-то написал резолюцию: «Урал» нам нужен, и только поэтому мы живем. Исключительно благодаря правительственной поддержке с начала 1999 года журнал начал выходить регулярно (в 1998 году вообще не выходил, а все 90-е выходил по двоянному, то строенному).

— А вы в журнале раньше печатались?

— Никогда. Меня оттуда выгнали и говорили: «Про обочину жизни нам не надо».

— За последнее время вы написали две инсценировки по русской классике — «Старосветским поме-

— При вашей продуктивности вам, вероятно, известны математические секреты драматургии.

— Сперва я должен лечь на диван в тишине, без телевизора, без книг и трое суток лежать и думать, что меня в данный момент волнует больше всего. Когда до меня это доходит, я сажусь и начинаю со списка действующих лиц. К концу пьесы складывается какой-то сюжет. Я точно представляю, где происходят события, в каком месте, кто куда идет, что в соседних помещениях, что на улице и на лестничной площадке. Для меня, пожалуй, это самое важное — нарисовать подробный план места действия и что вокруг него, что «за сценой». Только тогда режиссеру легче найти сценический эквивалент.

Есть и другие секреты мастерства: на первой странице персонажи должны друг друга называть по имени — зритель должен знать, как кого зовут. Первая страница также должна ответить на вопрос, зачем все собрались в одном месте, что произошло до открытия занавеса. «Исходное событие» — я уже измутил своих студентов этим моим термином. Студенты дразнятся: «Безысходное событие». Маша-с-уралмаша, сидящая в десятом ряду, должна моментально понять, о чем на сцене говорят, что к чему. Первое действие должно быть длиннее второго — так устроен зритель. В финале первого действия обязательно должны заорать, закричать, всполошиться, чтобы зритель в антракте не ушел.

— Как вы относитесь к тому, если режиссер корректирует текст вашей пьесы?

— Раньше я протестовал, один спектакль в Москве даже закрыл. Потом понял, что это бессмысленно — либо режиссер понимает драматурга, либо нет. Если талантливый человек сокращает, то

В НЕРАВНОЙ БОРЬБЕ С КРИТИКОЙ

«Последние четырнадцать лет меня только и делают, что бьют», — говорит драматург Николай Коляда

— Там была малая сцена, здесь — большая. Но принцип оформления остался тем же — у двух спектаклей один художник, Володя Кравцев: на сцене квадратом стоят три сотни трехлитровых банок, в них капает вода — в квартире течет крыша. В финале, когда герои расстаются, начинает капать красная краска, и банки словно заполняются кровью.

— У вас ведь давняя история отношений с театром «Современник»...

— В 1990 году Галина Волчек поставила мою пьесу «Мурлин Мурло» — она прошла уже более трехсот раз и до сих пор сохраняется в репертуаре. Через шесть лет Волчек поставила еще одну мою пьесу — «Мы едем, едем, едем...», и вот сейчас — эта работа. Актриса «Современника» Лия Ахеджакова играла в различных антрепризах мои пьесы «Половики и валенки» и «Персидская сирень» (пьеса была написана специально для нее). И, наконец, только что в Москве был показан спектакль «Старосветская любовь» по моей инсценировке повести Гоголя, где Ахеджакова сыграла роль Пульхерии Ивановны.

Весной прошлого года Екатеринбургский театр драмы приехал на фестиваль «Золотая маска» с моим спектаклем по «Русской народной почте» Олега Богаева. Днем позже мы вне конкурса играли в Театре имени Гоголя еще один мой спектакль по моей же пьесе «Корабль дураков, или «Нелюдимо наше море». На этот спектакль я позвал Волчек. Позже, в июле, она организовала нам еще один приезд в Москву с «Кораблем дураков» — тогда мы уже играли спектакль в «Современнике».

— Как вы перенесли сокрушительный провал «Русской народной почты» на «Золотой маске»?

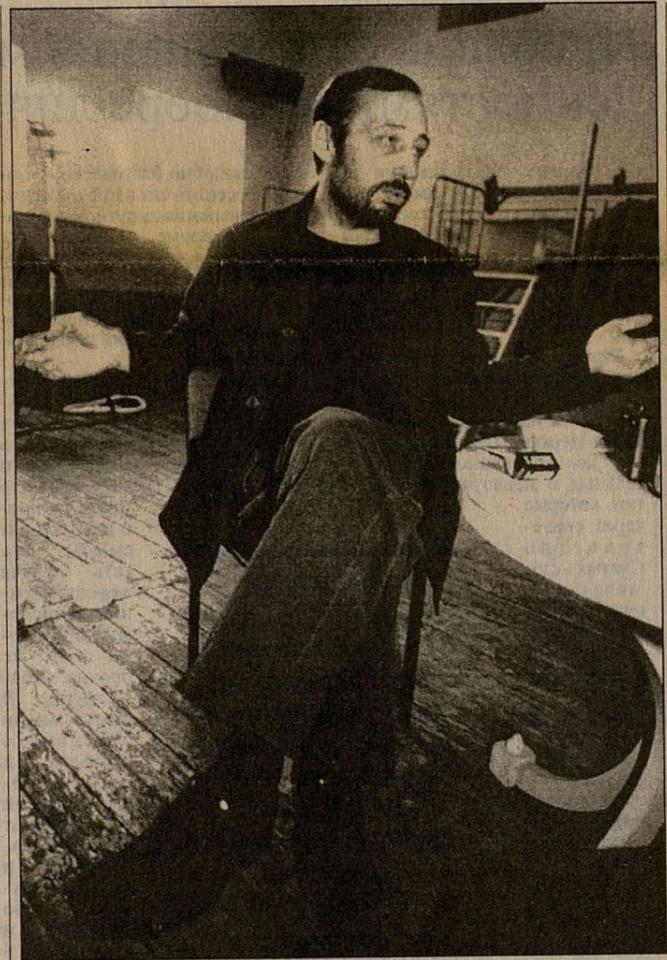
— Да, я все статьи читал... Ужасно! Четырнадцать лет я пишу пьесы, и все четырнадцать лет меня бьют в прессе. Не могу вспомнить, когда не били. Иногда мне кажется, что провал был подготовлен. В одном журнале читаю: «Еще до приезда театра в Москву было известно, что спектакль пошлый и отвратительный». Откуда это выяснилось?

— Но что я? Актеры больше всего переживали. Драматург, мой студент Олег Богаев. Их жалко. Они с такой радостью ехали показывать свое искусство в Москву. Я то привык, про меня писали примерно так: «Этот спектакль омерзительен для слуха и оскорбителен для глаза» — и дальше: «Автору неплохо было бы на Бродвее выучиться писать пьесы, а сливать воду, как в бачке унитаза, — не велика наука». Куда мне, грешному, дальше двигаться?! О чем писать? В одной рецензии на «Старосветскую любовь» написали, что, мол, «гореть ему в аду, этому Коляде» — что-то страшное!

Я ужасно переживаю из-за всех этих статей. Ужас! Плачу, рыдаю, ложусь на кровать, смотрю в потолок и думаю: «Зачем я живу?» Жизнь бессмысленна, если критик прав...

— А что сейчас поделявает лауреат Антибукера Олег Богаев?

— Он сейчас живет в Германии, получил стипендию Академии Шлесс Солигтуде — 1500 немецких марок и квартиру в роскошном замке под Штутгартном, оборудованную компьютером, бумагой, ксероксом, факсом и всем, что нужно для жизни. Таким образом немецкое правительство помогает талантливым людям из других

Драматург и режиссер Николай Коляда в репетиционной комнате. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— «Купание красного коня» — острый и откровенный социальный памфлет, в котором самым крупным фигурам политики и культуры сильно достается от автора. Забавно, кстати, что некоторые персонажи этой повести присутствовали на литературном обеде в честь лауреатов Антибукера, видимо, не прочитав Иванченко. Вы не боялись публиковать его вещь?

— Номер был уже готов к печати, и я перед тем, как везти в типографию, решил взглянуть на гранки, и ужаснулся — пятьдесят абзацев были изъяты одним моим сотрудником, у которого некоторые персонажи этого памфлета — в друзьях. Я начал орать и метаться по редакции, и все вернули на место. В результате роман опубликован полностью. Не думаю, что стоит обижаться на Иванченко. Интеллигенции нам всем надо задуматься над тем, в какой пошлости мы плаваем и почему мы всякий раз считаем, что не захлебываемся ею. Нужна встряска, чтобы мы не твердили, что «все у нас нормально».

— Почему вы не пишете социальных пьес?

— По-моему, все мои пьесы социальные.

— Но вы же не пишете пьесу, к примеру, о путче, как это сделал Александр Иванченко в прозе...

— Упаси бог. Я пишу о том, что взрывается в сердцах.

— Борис Рыжий сказал, что он тоже вас ученик.

— Это неправда. Он любит всякие истории сочинять. Он вообще наглый и задиристый. Когда напугается, мы с ним ругаемся. В Москве по телевизору выступал и сказал, что он лучший поэт на Урале. В журнале «Урал» Борис

«Пиковой даме» Пушкина. Почему это стало вам так интересно?

— Я это сделал два раза и больше делать не буду. Как все вышло с Гоголем? Приблизился юбилей Ахеджаковой, и ее продюсер попросил меня написать пьесу по гоголевской повести, которая Ахеджаковой очень нравится. Взял в руки повесть, стал листать — 14 страниц. Чего писать-то? Потом вспомнил афоризм Евтuschenko: «Литература — это исповедь самому себе» — и решил написать пьесу о своих маме и папе. Тогда это будет мне интересно. Мои родители точно так же всю жизнь занимались соленьями, варениями. И в этом и заключается их жизнь: чтобы дети были сыты, чтобы все было готовлено впрок. Живут они в своей деревне спокойно, счастливо, и дай бог им и дальше здоровья на много-много лет.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»
Коляда Николай Владимирович родился 4 декабря 1957 года в селе Пресногорьковка Кустанайской области. В 15 лет поступил в Свердловское театральное училище, по окончании которого работал в Свердловском академическом театре драмы. В нем работает режиссером и теперь. В 1983 году поступает в Литературный институт имени А.М. Горького на заочный семинар прозы В.М. Шугаева. Автор пьес «Играем в фан-

он найдет эквивалент купированным словам в паузах, в движениях, в мизансцене, в эффектах. Так что спорить и конфликтовать не люблю, все равно ведь после каждого спектакля прихожу в тримерку и благодарю: «Спасибо. Все очень хорошо. Класс! Ух, как здорово!» — «А вы видели, как мы переделали?» — «Да что вы, правда!?! А какие костюмы у вас красивые! Ну, до свидания, я побежал...» Ничего не объяснишь. Я не могу свое сердце переложить в сердце режиссера. Он, например, мне говорит: «Здесь же написано: «Плачет». Так это же не значит, что должны слезы литься. Может, сердце плачет. Или написано: «Громко» — и это не значит, что нужно кричать...

— Расскажите про то, как вы закрыли спектакль.

— В 1989 году один новый московский театр в подвале играл мою пьесу «Рогатка». Он был про закалычную дружбу инвалида, который потерял ноги почему-то в Афганистане (в пьесе даже намека нет), и молодого студента. Они так хорошо обнимались, жали руки, дружили по-мужски. Никакой гомосексуальной связи. Пьеса же у меня написана про любовь, а не про дружбу — вещи разные.

После спектакля я подошел к режиссеру и попросил снять спектакль. Наговорил резкости и ушел. Спектакль закрыли. Зачем я это сделал? Если видишь, что не поняли тебя, — сиди и молчи!

Валерий Стародубцев, бывший завлит театра «Современник», мне как-то сказал: «Драматург — это отец, который отдает своего ребенка в детский дом». Отец приходит на выпускной вечер и видит: стоит его дитё, в пиджаке и галстуке, голова квадратная. Отец ничего не понимает. Он не знает, как ребенка воспитывали: то ли палкой по голове били, то ли гладили и лелеяли. Отказаться от ребенка невозможно. Ребенок — мой! Непонятный, глупый, падает, заваливается — но все равно мой! Надо простить, что такой получился.

— Кто сейчас заботится о ваших екатеринбургских кошках?

— Мой друг Александр Кааль. Он вообще-то немец, правда, живет в России уже семь лет. Он переводчик, переводил мои пьесы, Плушкину, Богаева, Драгунскую, Шапиро, киносценарий Митты, прозу уральского писателя Матвеева. Позавчера кошка родила трех котят, один из них был мертвым. Саша позвонил и заплакал — а немцы не плачут. Так что теперь у меня шесть кошек и два маленьких котенка. Бабайка, Лариска, Чечирка, Манюшка, Бомж. Шестой появился недавно, мне его подкинули на дачу. Его зовут Уйди-Уйди.

43